что в «Станционном смотрителе», как и в других повестях Белкина, действие происходит в эпоху, предшествующую декабрьскому восстанию (между войной 1812 г. и восстанием 1825 г.), и их герои принадлежат преимущественно к тому слою, из которого вышли будущие декабристы. И социально, и характерологически Минский с большой долей вероятности мог стать одним из них.

Существеннее другое. Первоначально историю любви джентльмена и дочери смотрителя должен был рассказать прапорщик, едущий в Черниговский полк, а для такого рассказа необходимо, чтобы он был свидетелем не только начала этой любви, но и ее продолжения. Отсюда следует, что прапорщик должен был еще раз встретить героев этой истории и мог бы сказать, подобно рассказчику в «Выстреле»: «Таким образом узнал я конец повести, коей начало некогда так поразило меня». Такая встреча возможна была лишь в том случае, если джентльмен ехал туда же, куда ехал рассказчик, в район восстания (не обязательно в тот же полк: Дуня уехала с гусаром, а Черниговский полк был пехотный, но в восстании были участники и из других полков, в том числе из двух гусарских), а оказавшись там, он вряд ли мог остаться в стороне от восстания. В отличие от «молодого человека», пишущего «Записки», их герой должен быть достаточно яркой личностью (иначе незачем было о нем рассказывать), для которой роль активного участника восстания вполне подходит.

Конечно, Пушкин не мог выбрать героем своей повести одного из казненных лидеров восстания. Принцип своей художественной прозы Пушкин выразил в определении романа, которое может быть распространено также на повесть и новеллу: «историческая эпоха, развитая в вымышленном повествовании». Следуя за В. Скоттом, он показывает исторические события «домашним образом», через судьбу не исторических деятелей, а частных лиц, дающую широкий простор художественному вымыслу. Поэтому в «Записках молодого человека» героем мог стать скорее не один из пятерых повешенных, а один из многих декабристов, осужденных на каторжные работы. В соответствии с тем же принципом исторические события даются в повести не сами по себе, а сквозь призму личных судеб. Подобно тому, как в «Капитанской дочке» Пугачевщина показана через историю любви Гринева и Маши Мироновой, в «Записках молодого человека» декабрьское восстание могло быть показано через историю, обозначенную в плане «Записок» словом «любовь».

Эта история стала сюжетом одной из «Повестей Белкина». Как и в других повестях, она должна была поразить рассказчика не только своим началом (ср. «Выстрел»), но и окончанием. Чем должна была завершиться любовная история в «Записках молодого человека»?

Присматриваясь к персонажам этой истории, выведенным в «Станционном смотрителе», мы с неизбежностью приходим к действительно поражающему выводу, который вознаграждает нас за утомительную работу сличения законченной повести с ее первоначальным наброском.

Целиком охваченная любовью к Минскому, бросившая ради него отца (о любви к которому свидетельствует не только ее плач, когда она узнала о смерти родителя, но и то, что уезжая от него, она, как рассказывал ямщик, всю дорогу плакала, «хотя, казалось, ехала по своей охоте»), Дуня не могла не поехать за Минским, если он был приговорен к каторжным работам. Характер Дуни позволяет предполагать у нее такую же преданность и самоотверженность, какую проявила Маша Миронова по отношению к арестованному Гриневу.

Если у нас имеются достаточные основания считать «Записки молодого человека» первоначальным наброском «Станционного смотрителя» и если мы вместе с тем присоединяемся к установившемуся взгляду на этот отрывок как на начало повести с декабристской тематикой, мы должны признать, что «Станционный смотритель» возник из замысла повести об одной из тех «русских женщин», которые поехали к своим мужьям-декабристам в Сибирь. Мы знаем о потрясающем впечатлении, произведенном их добровольным изгнанием на современников, в том числе и на Пушкина, который с ними отправил свое послание «В Сибирь».